

ДЕМИДОВЫ

Демидов Никита

Демидов
Акинфий Никитич

Пальцова
Евфимия Ивановна

Демидов
Прокопий Акинфиевич

Демидов
Никита Акинфиевич

Первые Демидовы — искусные мастера и энергичные заводчики, замеченные и вознесенные наверх повелением царя-работника, остались по какому-то трудно объяснимому закону в самых глубинах народной исторической памяти. Их реальные образы и дела с течением времени переплелись с народными сказаниями, былями и легендами, обросли вымыслами.

В уральском фольклоре тема заводчиков Демидовых звучит особо. Многие предания о них связаны с Невьянской башней, символом жестокого произвола Демидовых. Образы реальных, исторических Демидовых предстают в некоем мифическом ореоле, а их действительные судьбы едва проступают сквозь призрачную дымку легенд. Вокруг истории этой династии наросло столько вымыслов, сенсационных гипотез, полуанекдотических повествований, что, несмотря на большую литературу о Демидовых, рассказывая о них, трудно встать на твердую почву строгих исторических фактов, отделить зерна от плевел. Вот почему так важно использование точных деталей, черт, характеристик, рисующих во всей сложности и противоречивости облик этих крупных, оригинальных личностей.

Несмотря на «тяжкую руку» Демидовых в управлении подданными своей заводской империи (мастеровыми, рабочими людьми, приписными крестьянами), в памяти народа они сами долго еще оставались как бы неотъемлемой частью этой коренной, трудной народной жизни. Первые Демидовы были, в сущности, плоть от плоти ее — такие же корявые,

кряжистые и грубоватые, как и те простые русские мужики, умельцы и мастеровые, которыми они управляли. «Это было, — по словам Д. Н. Мамина-Сибиряка, — кипучее время — время сильных людей, как на добро, так и особенно на зло, время, носившее на себе печать какого-то стихийного разгула сил, когда на каждом шагу проявлялась почти нечеловеческая энергия». И еще долго, весь XVIII век, да и в XIX веке тоже, целые поколения Демидовых сохраняли это свое «мужицкое» обличье, но уже с большой примесью барского крепостнического самодурства да еще извечного жадного интереса новой русской знати к заманчивой европейской цивилизации — т. е. к тому, о чем они, по странному парадоксу, и слышать не желали у себя в отечестве.

Петровское племя «работников» у трона, «могучих людей», к которому принадлежали и Демидовы, укрепляло своей жизненной энергией первенствующее сословие, прививало ему вкус к предпринимательской деятельности. Но впоследствии преемники основателей династии все чаще отказывались от того, чем занимались их деды и прадеды, и только проживали доставшиеся им богатства. Это можно видеть и на примере семьи Демидовых, хотя они дольше других крупных дворянских родов держались своего прибыльного заводского дела, и целые поколения Демидовых-«расточителей» не смогли исчерпать этот сказочный источник обогащения. Вместе с тем необходимо отметить, что и Демидовы-«расточители» в значительной степени реабилитировали себя своей беспрецедентной по масштабам, целенаправленной благотворительной, меценатской, культурно-просветительской деятельностью.

Первые Демидовы были выходцами из городских ремесленников, мастеровых. Это явление характерно для начала XVIII века. В это время еще существовал значительный слой свободного, зажиточного ремесленничества, мастерового люда в целом ряде промышленно развитых центров старой Московской Руси. Еще крепостническое дворянское государство не наложило свою тяжелую десницу на их деятельность, не закабалило их труд. Позднее городское ремесленничество, цеховые уже не выдвигали из своей среды промышленных деятелей, устроителей частных заводов и

фабрик такого масштаба. И никто больше не составил себе такого громадного состояния, как Демидовы, возведенные уже Петром I в потомственные дворяне и вошедшие позднее в избранные круги российской, а затем и европейской аристократии.

ДЕЛО ТУЛЬСКОГО ОРУЖЕЙНИКА

Родоначальником рода Демидовых считается Демид Григорьевич Антуфьев (Антуфеев), родившийся в крестьянской семье в деревне Павшино в 20 верстах от Тулы. Сведений о нем немного. Известно, что в 1662 году он переехал в Тулу, где работал кузнецом на Тульском оружейном заводе. Демид Григорьевич был женат и имел трех сыновей: Никиту, Семена и Григория. Начало громадному богатству Демидовых положил старший сын Демида — Никита, родившийся 26 марта 1656 года. По одним сведениям, отец умер, когда дети были еще малолетними, и старший сын, который, как и отец, начал работать кузнецом-оружейником в Туле, приносил свои первые деньги матери на воспитание младших братьев. Есть, однако, и другая версия, согласно которой павшинский крестьянин Никита Демидович пришел в Тулу один, избегая рекрутчины, и нанялся там на работу к местному кузнецу.

Это был человек веселого нрава, любивший забавлять своих собеседников остроумными шутками. Он отличался «деятельностью и искусством от прочих своих товарищей, ставивших в исходе XVII столетия в Московскую оружейную палату готовые ружья, а также ружейные стволы и замки». Именно мастерство Никиты Демидова (Антуфьева) в своем деле позволило ему выбиться в зажиточные ремесленники. Ко времени своего знакомства с царем Петром I он уже владел собственной мастерской.

Поразительный взлет к успеху и богатству первого Демидова обычно объясняют знакомством Петра I с тульским кузнецом. Однако имеющиеся факты во многом разрушают эту легенду. Они заставляют усомниться в прочно укоренившемся предании, выставляющем Никиту Демидова простым тружеником-кузнецом ко времени встречи с Петром I. Никита

Демидов принадлежал к богатой верхушке тульских оружейников, выполнявших крупные казенные заказы, и заслужил благоволение царя поставками оружия по низким ценам.

Тем не менее нельзя отрицать того, что Петр I, искавший повсюду талантливых и энергичных людей, сыграл решающую роль в судьбе Никиты Демидова и в восхождении к будущему экономическому могуществу рода Демидовых. Скорее всего, Демидовы так бы и остались промышленниками средней руки, если бы не личное знакомство с царем-преобразователем. Конечно, внимание царя открывало перед предприимчивым Никитой неизмеримо большие возможности в развертывании его заводского дела, позволяло осуществить планы, о которых он без поддержки государства не мог и мечтать. И он не упустил своего «звездного часа».

Об обстоятельствах знакомства Никиты с царем версий и легенд бытует множество. И трудно сказать, где кончается правда и начинается вымысел. По одной из них, приближенный к царю боярин Шафиров, проезжая через Тулу, отдал Никите в починку пистолет работы знаменитого немецкого мастера Кухенрейтера, и тот не только сумел исправить его, но и сделал по образцу его другой, ни в чем не уступавший первому. Шафиров был так восхищен искусством Никиты, что обратил внимание царя на умелого мастера.

Согласно другому преданию, имевшему хождение на Невьянских заводах, Шафиров привез пистолет из-за границы в подарок Петру I. Царь очень дорожил им, но в конце концов сломал курок. В Москве нужного мастера не нашли и ему посоветовали обратиться в Тулу к известному своим умением оружейнику Никите. Будучи проездом в Туле, царь призвал Антуфьева и наказал ему исправить курок. На обратном пути, месяца через два, Петр призвал Никиту и остался доволен работой. Он похвалил его, прибавив при этом, показывая на пистолет: «Доживу ли я до того времени, ког-

Петр I

да у меня на Руси будут так работать». «Что ж, авось и моя работа супротив немца постоит», — отозвался кузнец. Бывший под хмелем Петр, ударив его по щеке, крикнул: «Сперва сделай, мошенник, потом хвались». «А ты, царь, сперва узнай, потом дерись», — возразил Никита и, вынув из кармана пистолет, продолжал: — Который у твоей милости, тот моей работы, а вот твой заморский-то». Изумленный Петр обнял Никиту и сказал: «Виноват я перед тобой; ты, я вижу, парень дельный». Затем Петр спросил, не возьмется ли Никита устроить в Туле ружейный завод и много ли на то потребуется денег. Тот попросил 5 тыс. рублей, которые и были выданы ему из казны. Это предание очень характерно для народных сказов с их верой в удачу простого мастерового человека и милость сурового, но справедливого царя.

Более правдоподобным выглядит рассказ, изложенный И. Гамелем. В 1696 году Петр по пути в Воронеж остановился в Туле и приказал позвать к себе кузнецов, знавших ковку холодного оружия. Явился один только Никита, который, к удовольствию Петра, выполнил заказ. Петр похвалил Никиту и на обратном пути, как обещал, заехал к нему в гости и осмотрел тогда небольшую оружейную фабрику, похвалив Демидыча за предприимчивость и ум.

Несмотря на всю противоречивость в описаниях обстоятельств знакомства Никиты Демидова (Антуфьева) с царем, сам факт этого знакомства можно считать установленным. Достоверно известно также, что вскоре после первой встречи с Петром Никита, узнав, с каким трудом царь доставал солдатские ружья, платя за каждое по 10—12 рублей, представил в 1700 году в качестве образца шесть отлично сделанных ружей по 180 копеек за каждое. Искусно выполненные образцы понравились Петру I и были как нельзя кстати, так как началась война со Швецией. Царь назначает Никиту Демидова поставщиком оружия для армии во время Северной войны.

Началось стремительное восхождение тульского оружейника к вершинам богатства. Ему было дозволено построить более крупный доменный и пушечный вододействующий завод «о многих молотах» при устье реки Тулицы. Никита построил его на свои деньги без помощи казны, без приписных

или крепостных крестьян, с одними наемными работниками. Новый завод поставлял в Пушкарский приказ снаряды и пушки по низким ценам, гораздо дешевле других заводчиков: по 12 копеек с пуда против 25 копеек у других. В награду за это правительство позволило Никите расширить завод и превратило 20-летний срок владения предприятием в бессрочное владение. А указом от 2 января 1701 года за Демидовым было признано полное право собственности на его Тульский завод. Ему было разрешено покупать крестьян и земли. Петр приказал, в частности, отмежевать в собственность заводчика лежавшие около Тулы стрелецкие земли, а для добывания угля дать ему участок в Шегловской засеке. Были даны Демидовым и другие привилегии, например исключительное право копать руду в «малиновой засеке».

Но, вероятно, если бы Демидовы ограничились только своей деятельностью в Туле, вряд ли они вошли бы в историю России как создатели целой отрасли государственного хозяйства. Еще в 1696 году воевода Протасьев представил царю образцы магнита с речки Тагила и железной руды с реки Невьи. Петр передал руду для испытаний Демидову, который изготовил из нее несколько ружей, замков, копий и донес государю, что невьянское железо несколько не хуже «свейского» (т. е. шведского), славившегося тогда во всей Европе. Демидов сразу же понял, какую громадную выгоду можно извлечь из разработки Невьянских рудников. Он отваживается на совершенно новое, исключительное по своему значению предприятие. Непосредственным толчком к его решению послужило лишение Тульского завода топлива, когда у Демидовых отобрали право рубки леса в Шегловской засеке, так как в ней росло много деревьев, пригодных для кораблестроения. По одному из рассказов, царь был в Москве и сидел за обед со своими приближенными, когда ему доложили о приходе Демидовых — Никиты и сына его Акинфия. Кузнецы пришли в простых «кожанах», но царь-работник посадил «Демидыча» с сыном за свой стол. Никита стал просить отдать ему Невьянские заводы, и царь согласился на его просьбу.

Возможно, рассказ передает действительное событие, и Демидов использовал благосклонность царя, чтобы быст-

рее решить дело в свою пользу. Но все равно необходимо было действовать по установленному порядку. В 1702 году Демидов входит в Сибирский приказ с представлением о позволении, по случаю запрещения рубить лес на уголь в пожалованной ему под Тулой засеке и невозможности литья пушек и снарядов в Туле, производить их и разрабатывать руду на принадлежащем тогда казне Невьянском (Верхо-Турском) заводе на Урале. Просьба его была удовлетворена, чему немало содействовал глава Сибирского приказа Андрей Виниус, давний покровитель Никиты. Без его понимания и помощи Демидовы едва ли так скоро и основательно прижились бы на Урале.

По указу от 4 марта 1702 года Никите были отданы Верхотурские (Нейвянские и Невьянские) железные заводы, устроенные по реке Невее еще при царе Алексее Михайловиче «для снабжения артиллерии военными припасами», с обязательством платить казне за устройство заводов железом в течение пяти лет и с правом покупать для заводов крепостных людей. Ему было также предоставлено право разрабатывать руду по реке Невее, реке Тагиле и другим рекам и у горы Магнитной, кроме того, по мере надобности занимать новые земли. Никита мог свободно продавать излишки своей продукции. Его деятельность не подпадала под надзор местного воеводы и была подсудна лишь Сибирскому приказу. Основ-

ные положения указа были выработаны, по-видимому, Демидовым и Виниусом в ходе обсуждения, и результаты его доложены Петру I, о чем есть запись в делах Сибирского приказа. «1702-го марта в 4 день Великий Государь сей выписки слушав и доношения тулянина Никиты Демидова, по именному своему Великому Государя указу указал Верхотурские железные заводы на Нейве-реке, и буде прищет по той и иных реках и Тагиле у магнитной руды, Верхотурскому уезду заводы отдать во владение

А. Д. Виниус

ему, Никите, и ставить ему с тех заводов в его Великого Государя казну на всякие обиходы воинские припасы, пушки, мортиры, бомбы, гранаты... по именованным его Никитиным ценам перед иноземческим с убавкою, опричь пушек и мортир, которые ставить по тем ценам, как он уговаривал». Так было положено начало созданию важнейшего в судьбе России Уральского горнозаводского района — одной из основных металлургических баз нашей страны.

Получив во владение Невьянские заводы, Никита Демидов спешно посылает на место своего поверенного, который в мае 1702 года принимает новые заводы. А затем туда же отправляется в сопровождении 12 лучших тульских мастеров и старший 24-летний его сын Акинфий, ставший потом единственным полномочным распорядителем заводов на Урале. Сам Никита должен был остаться при тульских заводах в связи с крупными поставками оружия (до 20 тыс. ружей) для русской армии, воевавшей со Швецией. Кроме того, необходимо было организовать отправку опытных рабочих на Урал и обеспечить подготовку новых квалифицированных кадров взамен отправляемых.

Шла Северная война. Россия напрягала силы. И вслед за указом о переходе Невьянских заводов к Демидову из Сибирского приказа идут предписания об отливке сотен пушек и поставке нескольких тысяч ружей и снарядов. Поощряя «тулянина» Демидова, Петр I жалует Никите 6 декабря 1702 года новую грамоту на Невьянские заводы, которая давала право наказывать рабочих «с тем, однако же, чтобы не навести на себя правых слез и обидного в том воздыхания, что пред Господом — грех непростительный». Однако это гуманное пожелание не осуществилось: много тяжелых страниц заключает в себе история заводского дела Демидовых.

В одной из грамот того же 1702 года Никита впервые именован Демидовым вместо прежнего прозвища Антуфьев, и с этого времени начинается собственно родословная Демидовых. В течение всей своей жизни этот предприимчивый заводчик энергично развивал свое горнозаводское дело. Уже при его жизни география и масштабы горнозаводского промысла Демидовых производят большое впечатление на современников. В 1703 году Петр приказал приписать к разрас-

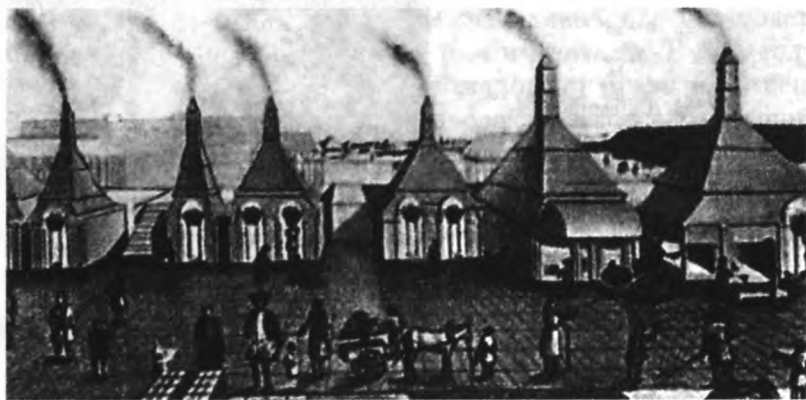

тающимися Невьянским заводам еще две волости в Верхотурском уезде. А в декабре 1713 года Демидовым были отданы во владение остальные имеющиеся в Верхотурском уезде казенные железоделательные заводы с близлежащими волостями. Постепенно технический опыт центра переносится из Тулы на Урал, там стремятся работать по-московски, при помощи московских же мастеров. Работали на Урале и опытные в горном деле пленные шведы. Демидов получает исключительное право на поставку артиллерийских снарядов и проведение геологических изысканий, на строительство — на собственные средства — новых заводов и добычу меди, которую его обязали поставлять на Денежный двор для чеканки медных монет.

В это время царь для проверки поступавших доносов на заводчика поручил князю В. В. Долгорукову, управлявшему в то время Сибирским приказом, сравнить цены других подрядчиков с демидовскими. Оказалось, что многие изделия Демидова поставлялись вдвое дешевле и не нашлось ни одного, которое стоило бы дороже. До Демидова подрядчики поставляли железо в казну по 60—75 копеек за пуд, шведское стоило 90 копеек, а по объявлении войны дошло до 3 рублей, но и по этой цене нельзя было его достать; Никита же поставлял разные сорта железа по средней цене 50 копеек за пуд.

Бомбы, пушки и ядра поставлялись им в казну по 20—25 копеек за пуд. Торжествующий заводчик в

Медеплавильные печи
на Урале

челобитной требовал, чтобы с казенных заказов пошлин с него не брали, деньги выдавали без промедления, и просил снова подтвердить за ним право владения Невьянскими заводами. Петр согласился и в апреле 1715 года вновь подтвердил права Демидова на владение заводами со всеми угодьями и крестьянами.

Начался новый всплеск предпринимательской активности «тулянина» на Урале и в Сибири. Последнее десятилетие его жизни было очень плодотворным. Он построил четыре новых железных и медных завода на Урале: Быньговский (1718), Выйский (1721), Нижне-Тагильский (1725) и Нижне-Лайский (1726). Один завод был построен им на реке Оке. Еще при жизни Никиты его сыном Акинфием были устроены на Урале Шуралинский (1716) и Верхне-Тагильский железодельные заводы. Получив от Петра земли в Сибири с правом расширять их покупкой новых участков, Никита Демидов и его сыновья построили и здесь несколько железных и медных заводов и положили начало заселению заводскими людьми отдаленных районов Сибири вплоть до глухих Колыванских мест.

Н. Д. Демидов

К концу царствования Петра I из 22 металлургических заводов России Демидовым принадлежало 8. Эти заводы не уступали государственным ни по размерам, ни по объемам выпускаемой продукции. Большая часть производимого в России металла приходилась на долю «казенных» предпринимателей, среди которых Демидовы занимали особое место.

В 1720 году близ Невьянского завода было открыто месторождение асбеста. В 1722 году заводчиком был представлен Петру Великому образец «несгораемого» полотна из асбеста. По свидетельству очевидцев, производство изделий из него (кошельки, шапки, перчатки, шнурки) еще долго сохранялось в народной среде на Урале и в Сибири.

Никита Демидов вместе с сыном Акинфием положил начало добыче и обработке магнитов. В архиве Нижне-Тагильского завода найдена даже собственноручная записка Демидова по этому вопросу к одному из его приказчиков.

Еще при жизни Никиты начался поиск серебряных и золотоносных руд. Переселяющимся в отдаленные места Сибири и Алтая он выдавал пособия, не забывая, впрочем, кроме «удобного и пристойного пайка» выторговать у правительства право наказывать «ленивых», хотя и с определенными пока ограничениями: «чтоб чрезмерной жестокостью их врознь не разогнать».

Петр был очень доволен деятельностью Демидова. Когда генерал-адмирал граф Апраксин сказал однажды Петру: «Хорошо, если бы у тебя было человек десятка два таких, как Демидов», Петр отвечал: «Я счастливым бы себя почел, если б имел таких пять, шесть или и меньше». В 1709 году именным указом Демидов был пожалован в правительственные комиссары на Уральских заводах и состоял в том чине до самой своей смерти. В указе говорилось: «Велено тулянину Никите Демидову на Невьянских железных заводах за литье и за поставку к нынешнему воинскому случаю военных припасов быть комиссаром и ведать ему на тех заводах мастеровых и работных людей и крестьян всякою расправою и управлять всякое заводское дело и воинские припасы готовить и ставить с кованым железом по-прежнему с великим радением и правдою».

До получения чина комиссара Никита Демидов числился как тульский «кузнец оружейного дела, мастер». Лишь в последние годы жизни его уговорили принять пожалованное ему 21 сентября 1720 года Петром I дворянское достоинство под фамилией «Демидов». Бывший тульский кузнец становится потомственным нижегородским дворянином. Однако указ об этом не сохранился, имелись лишь ссылки на него более позднего времени. Диплом о дворянстве был возобновлен 24 марта 1726 года императрицей Екатериной I уже после смерти основателя рода. Причем в этом дипломе было оговорено: «...чтобы их, и детей их, и потомков, против других дворян, ни в какие службы не выбирать и не употреблять». Несомненно, это было сделано для того, чтобы не отвлекать Демидовых от заводских дел.

Заводы, устроенные Никитой Демидовым в Туле и на Урале, во время длительной Северной войны сыграли важную роль в снабжении русской армии огнестрельным оружием и артиллерийскими припасами, за которые заводчик брал половинную цену по сравнению с другими заводовладельцами. В 1718 году он стал единственным поставщиком пушек, корабельного леса, якорей и железа для кораблей и укреплений на острове Котлин. Изъявляя заводчику свое монаршее благоволение, Петр I во время Персидского похода прислал ему из Кизляра свой портрет с письмом, заканчивающимся словами: «...лей больше пушкарских снарядов и отыскивай, по обещанию, серебряную руду».

Но заслуги Демидова не ограничивались военными поставками. Он был одним из главных помощников Петра I при основании Петербурга, жертвуя на его строительство деньги, железо и т. д. В 1718 году Демидов получает заказы на поставку фонтанных труб для строившихся дворцов в Петербурге и Ревеле. Поставки для государственных ведомств он осуществлял по сниженной стоимости. Так, в 1721 году, значительно понизив по сравнению с другими подрядчиками цены, он взялся за поставку Адмиралтейству корабельного леса из Казанской губернии.

К концу своей жизни Никита Демидов являлся одним из крупнейших промышленников России, не уступавшим по богатству иным знатым вельможам. По некоторым оцен-

кам, ежегодный доход его составлял до 100 тыс. рублей — по тем временам весьма значительный.

Основатель рода Демидовых умер 17 ноября 1725 года, лишь на несколько месяцев пережив своего царственного благодетеля. Он был погребен в родной Туле, под папертью церкви Рождества Христова, называемой Демидовской.

В «Русском архиве» за 1878 год дается очень живое описание портрета Никиты Демидова, сохранившегося к тому времени на Невьянском заводе: «Одною из жилистых рук бывший кузнец придерживает кожану (шубу), наброшенную на кафтан, другую опирается на костыль. Худошавостью и желтоватым цветом лица он напоминает аскета. Черные глаза впали, губы сжаты, небольшая черная борода опускается на грудь, череп обнажен, вся физиономия носит отпечаток ума и силы. Таким выражением природа одаряет именно тех людей, которые завещают свое имя потомкам».

